

В.Е. Буденкова

КОММУНИКАТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ КАК ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Томский государственный университет

Развитие философии в последние несколько десятилетий привело к перестановке смысловых акцентов и смене познавательных приоритетов, что изменило панораму не только философского, но и всего гуманитарного знания. Одним из проявлений таких изменений стало усиление критики науки и научного познания, с одной стороны, и снижение интереса к теоретико-познавательной и эпистемологической проблематике – с другой. Этот процесс имеет объективные основания и связан с переосмыслением места и роли человека в мире (в широком смысле) на фоне расширения поля философской рефлексии в сторону повседневности, телесности, политики, нравственности и т.д. Но предпочтению «теоретизирующему субъекту» «субъекта практикующего» таит в себе серьезную опасность, выходящую за рамки собственно философии. Оно формирует иллюзию того, что современному человеку, чтобы быть успешным, важнее действовать, а не «размышлять» и что современная культура – это культура «практиков». Последнее нашло свое отражение в языке: появились многочисленные «практики» (образовательные, педагогические, управленческие) и «техники» («себя», тела и т.п.).

Сложность положения, в котором оказалась эпистемология, обусловлена спецификой ее проблематики, порождающей определенный «консерватизм» и «замкнутость». В то же время в отечественной философии наблюдается рост числа исследований по теории познания, эпистемологии и философии науки (в зарубежной, прежде всего англоязычной, философии интерес к данной тематике присутствовал всегда). Это связано с пониманием необходимости и неизбежности «переосмысления эпистемологии» [1] в контексте новых философских и социокультурных реалий. Как отмечает И.Т. Касавин, «Эпистемология и философия науки не утрачивают смысл в современном духовном универсуме, но для этого они должны постоянно выходить за узкие дисциплинарные рамки и расширяться до границ рационалистического философствования как такового» [2, с. 9]. Приведенное высказывание можно рассматривать как один из «программных» принципов, задающих общие цели и направление развития дисциплин, связанных с изучением познания и знания (разумеется, для тех, кто не считает данные дисциплины исчерпанными). Но его реализация мо-

жет осуществляться по-разному, что наглядно демонстрируют сегодняшние исследования.

Поскольку задача этой статьи – обозначить ведущие тенденции в развитии современной эпистемологии и философии науки, имеет смысл обратиться к некоторым идеям и концепциям, в той или иной мере эти тенденции представляющие. Следует отметить, что наш выбор совершенно не претендует на полноту и всеохватность, но в то же время достаточно репрезентативен. И еще одно замечание методологического характера: исследование проблем познания (в том числе научного) должно осуществляться в общем контексте социокультурных и философских трансформаций, с учетом тех изменений, которые определяют облик современной философии. К числу таких трансформаций относятся идеи плюрализма, антифундаменталистские и антиметафизические истолкования онтологии. Поэтому анализ теоретико-познавательных проблем будет осуществляться с учетом опыта «новых» онтологий.

Итак, первое, что бросается в глаза, – это «разнонаправленность» эпистемологических концепций. Подчеркнем, что речь идет не просто о разнообразии, естественном в любой дисциплине, а именно о разных направлениях, реализующих принципиально разные подходы. Хотя различные подходы – дело вполне естественное в любой дисциплине, и их наличие, скорее, повод для дискуссий, а не для беспокойства, есть одно «но». В данном случае речь идет о таких различиях, которые относятся к самим основаниям познания и задают совершенно разные познавательные и мировоззренческие перспективы. Так, например, по мнению итальянского физика А. Дзикаки: «мечтой всех физиков, начиная с Галилея, всегда было упрощение огромного разнообразия явлений и объединение этого огромного разнообразия в один-единственный источник» [3, с. 139], с ним согласен и А.С. Кравец, отмечающий, что «стремление к ... единству отнюдь не исчерпывается мировоззренческими потребностями в объяснении мира: в физике оно всегда играло важную конструктивную роль в формировании новых теорий...», но «возникновение неклассической физики (специальной теории относительности и квантовой механики) нанесло сокрушительный удар по этим унитаристским амбициям. Идея единства физики, казалось бы, заметно пошатнулась. Физики стали отда-

вать предпочтение идее разнообразия перед идеей единства» [4]. Оба названных автора – ученый и философ – являются приверженцами идеи возможного единства, но среди тех и других достаточно сторонников плюрализма. Причем плюрализма не только методологического или эпистемологического, но, что важнее, онтологического. Сегодня уже никого не удивляет существование в науке теорий, построенных на разных онтологических основаниях: «струны» и «мешки» (мультиплеты) в физике, «классическая» и фрактальная в геометрии и т.д.

Распространение плюралистического мировоззрения – феномен, характерный для всей современной культуры. «Плюрализм ... можно определить как принцип, согласно которому на каждый существенный вопрос допускается возможность нескольких взаимоисключающих друг друга ответов. Оправданием этого служит то обстоятельство, что в основе каждого из таких ответов лежит свой особый способ существования, истоки которого теряются в глубинах бытия и истории. Такой плюрализм не может быть сглажен или упразднен, он является абсолютным... Плюрализм – это реальность нынешней социокультурной жизни во всех ее проявлениях и на всех уровнях – от онтологического до феноменального. В плюралистическом мировоззрении действительность предстает как некое множество, которое нельзя непротиворечиво представить в теории. Выход состоит в том, чтобы или пытаться преодолеть плюрализм посредством монистической теории, или смириться с фактом плюрализма, как это делает постмодернизм» [5, с. 77–78].

Но если в социальной, нравственной, политической и многих других сферах признание плюрализма свидетельствует о степени культурной «зрелости» и понимании ответственности, то там, где дело касается познания, позитивная роль плюрализма не столь очевидна. Плюрализм, как онтологический принцип, ставит под сомнение саму идею науки и научного познания, поскольку, несмотря на разнообразие концепций и теорий, интерпретирующих одни и те же факты и явления, наука всегда стремилась к выяснению того, что есть на самом деле. Как пишет Е.А. Мамчур, «все крупные движения идей в научном познании обуславливались не столько попытками разрешить противоречия между теорией и аномальными экспериментальными результатами, сколько стремлением к единству и простоте теоретического знания. Это стремление не было чем-то вторичным, оно не сводилось к деятельности по упорядочиванию уже полученных результатов. Оно было первичным, основным принципом и требованием, определяющим стратегию научного поиска» [6]. В основе такого стремления лежат философский фундаментализм и метафизическая установка, подразумевающие «скрытое» су-

ществование «подлинной» природы вещей и необходимость ее раскрытия. Можно сказать и наоборот, что стремление к единству порождает метафизическую установку и фундаментализм. В данном случае вопрос «что первично?» не имеет принципиального значения, нам важно показать их взаимосвязь и те следствия, которые вытекают из комплекса этих идей.

Идея единого начала гарантирует познаваемость мира и обеспечивает предсказательную функцию науки. При этом указанное единство является скорее предметом веры или мировоззренческого убеждения и носит в большей степени психологический, нежели собственно онтологический характер. Ведь если допустить, что мир неоднороден в своих основаниях и непредсказуемо изменчив, то его познаваемость сразу оказывается под вопросом.

Другими словами, идея единства – это одновременно и «отправная точка», и, используя выражение Б. Латура, «пункт прибытия», познания. Как уже было отмечено, принцип единства, фундаментализм и метафизическая установка тесно связаны между собой и образуют некий комплекс идей, каждая из которых может рассматриваться в качестве следствия из других его составляющих. К числу важных для эпистемологии и философии науки следствий относится реализм, утверждающий, что «мир состоит из некоторой определенно установленной совокупности независимых от сознания объектов. Существует только одно истинное описание «того способа, каким существует мир» [7, с. 70].

Исследователи различают философский и научный реализм. Первый является «антиподом идеализма и феноменализма», а второй «не претендует на построение «картины мира», не постулирует реальность теоретических объектов и тем более каких-либо субстанций. Тем не менее он ориентирует науку на познание реальности как данности, лежащей вне науки» [8, с. 107]. Хотя в современной философии отношение к реализму весьма неоднозначно (именно из-за его метафизической сути), большинство специалистов, как полагает В.А. Лекторский, все же придерживается реалистических установок [1, с. 8]. Для нас, однако, более значимой представляется связь реализма с идеей единства, их внутренняя согласованность, задающая вполне определенную мировоззренческую и познавательную перспективу, которую принято называть классической. В этой перспективе действительность предстает как независимая от субъекта, а истина (при всем многообразии ее концепций) понимается как соответствие действительности, в корреспондентском «ключе». Эта перспектива в своих основаниях полностью противоположна плюрализму, но именно в

ее рамках развивалось научное познание и был достигнут современный уровень развития науки.

Но поскольку в сегодняшней социокультурной ситуации именно плюрализм претендует на роль общей (в смысле универсальной, как это ни парадоксально звучит) мировоззренческой установки, необходимо выяснить, какое влияние он способен оказать на познание и эпистемологию.

Начнем с того, что подобно тому, как идея единства, фундаментализм и реализм образуют свой онтологический и познавательный горизонт, плюрализм формирует свою собственную «систему координат», в которой ориентирами служат антифундаментализм, антисубстанциализм, антитрансцендентализм и еще довольно многие «анти-измы», и анализ каждого из которых может служить предметом специального исследования. Наша задача гораздо скромнее: показать общую направленность развития познания в указанной перспективе. Если фундаментализм – это поиск «первых и последних» оснований бытия и познания, а субстанциализм – акцент на их внутреннем единстве, то антифундаментализм, антисубстанциализм и антиметафизическая установка вместе должны означать отказ от стремления раскрыть подлинную суть бытия и признание непознаваемости мира. В таком случае никаких перспектив ни у науки, ни у эпистемологии нет. Однако в действительности мы имеем дело с иной ситуацией.

Поскольку «плюрализм признает возможность единства мира, но настаивает на том, что оно является не абсолютным, а случайным и зависящим от множества переменных факторов...» [5, с. 78–79], указанные тенденции можно рассматривать как формирование нового подхода к реальности. Место «подлинной», но фактически недоступной реальности классического познания занимает изменчивая и многоликая «реальность присутствия», которая «образована сцеплением, пересечением, наложением и т.п. гетерогенных положений дел...» [9]. Здесь уместно говорить не о едином (понимаемом как единственное), а об объединяющем начале.

Отказ от фундаментализма актуализирует противостояние реализма и конструктивизма – двух методологических установок, играющих важную роль в философии науки. Многие исследователи, усматривающие прямую связь реализма с фундаментализмом, предпочитают методологию конструктивизма. Но, как отмечают сами представители этого направления, между реализмом и конструктивизмом нет «непроходимой пропасти». «Социально-конструктивистская теория интеллектуальной жизни, – пишет Р. Коллинз, – далека от того, чтобы быть антиреалистской, и предоставляет нам изобилие реальностей» [10]. Собственно в этом и состоит главная проблема: какую реальность мы

познаем, как наши знания соотносятся с действительностью? Ведь «изобилие реальностей» ведет к релятивизму, стиранию границ между разными видами познания и утрате наукой своей специфики и определенности.

Строго говоря, реализм Р. Коллинза не философский, а социологический; он и сам указывает на это [10]. Поэтому вопрос «о реальностях» здесь предстает как проблема формирования (конструирования) научных онтологий.

Мы уже сейчас наблюдаем (и это отмечалось выше) множество онтологий в науке, и, строго говоря, оно не препятствует ее развитию, а, наоборот, способствует прогрессу знания. Примером могут служить конкурирующие теории в науке, поскольку «спор» между ними всегда способствует обогащению любой дисциплины. Здесь уместно сослаться на Фраассена, утверждающего, что научное исследование – это «конструирование моделей», а «не открытие ненаблюдаемых сущностей» [8, с. 107]. Другими словами, наука (современная, во всяком случае) стремится ответить не «каков мир на самом деле», а каким он может быть, исходя из достигнутого уровня знаний.

Но «достигнутый уровень знаний» – понятие относительное. Наши представления о мире постоянно меняются, «вызывая к жизни» новые онтологии. Следовательно, «полионтологичность» современного познания не только закономерна, но в какой-то степени неизбежна. Более того, она вполне соответствует плюрализму оснований культуры, хотя это вовсе не означает, что мы должны полностью отказаться от идеи единства как принципа, конституирующего наше бытие и познание. Но, как уже было отмечено, искать нужно именно объединяющее начало. Таким началом в современной философии может стать идея коммуникативности. Во-первых, потому, что она отвечает антифундаменталистским и антисубстанциалистским устремлениям современной философии. Во-вторых, многие концепции, связанные с конструктивизмом, предполагают в качестве одного из условий существования реальности наличие связей между ее элементами. Это одинаково актуально и для естественных и для гуманитарных наук. В-третьих, коммуникация позволяет преодолеть несоизмеримость культурных миров и теоретических моделей реальности.

Новая реальность науки – реальность связей, отношений, взаимодействий формируется коммуникацией. Следует отметить, что такое понимание реальности оказывается весьма близким постнеклассической науке и позволяет увидеть преемственность в развитии научного познания. Но коммуникативная онтология меняет роль и место субъекта в познании, а вместе с ним и представления об объекте.

Субъект классической науки тоже может рассматриваться как участник коммуникации: он задает реальности свои вопросы и получает на них ответы. Но коммуникация здесь носит принципиально иной характер, являясь по сути односторонней. Задача субъекта сводится к тому, чтобы задавать «правильные» вопросы, а «ответы» предопределены природой объекта. В современной науке «то, что сообщает нам «природа» зависит не только от ее «действительного» устройства, но и от позиции спрашивающего, тогда как последняя, в свою очередь, также не является непосредственной: она детерминирована системой отношений» [11, с. 48].

Коммуникативная онтология позволяет снять жесткое противопоставление субъекта и объекта именно в онтологическом плане. И субъект, и объект являются «продуктом» коммуникации, они существуют постольку, поскольку включены в единое коммуникативное пространство. «Конструктивность» реальности приобретает иной, чем в классической науке смысл. Субъект теперь не только выявляет связи между объектами и закономерности их существования, оставаясь «безучастным» к ним, он формирует связи, обеспечивающие существование объекта и его собственное. В современной науке реальность «держится» субъектом, а объект есть то, в какие отношения он включен. Он «раскрывается» во взаимодействии. Как замечает О.Е. Столярова: «Различия между субъектами и объектами... – не абсолютны и не заданы а priori... Свойства и онтологический статус любого объекта уникальны, т.е. являются результатом приобретенной им сетевой позиции – места в ряду связей и отношений коммуникативной системы» [11, с. 45–46].

Это имеет важные следствия для эпистемологии и позволяет по-новому интерпретировать отношение конструктивизма и реализма: они не противостоят, а дополняют друг друга. Конструктивизм,

указывая на то, что не существует «мира самого по себе», приобретает онтологический смысл, а реализм раскрывается как гносеологический принцип. Реальность становится доступной; мы оказываемся не по одну или другую ее сторону, а в ней самой. Она сохраняет свою конструктивную природу, но мы освобождаемся от необходимости «удваивать» ее в познании, потому что реальность познаваемого и познающего – одно и то же – коммуникация.

Результатом коммуникативных трансформаций онтологии современной науки становится пересмотр понятия истины и изменение отношения к релятивизму. С одной стороны, «отказ от истины» равносителен отказу от самой науки. Но, с другой – традиционные корреспондентские теории истины теряют смысл в условиях нового видения реальности. В классической науке истина понималась как уже существующая, и задача познания – «найти» ее и «открыть». Такой подход является закономерным следствием субстанциализма и фундаментализма. В современной науке, когда реальность «не определена заранее», а создается в самом процессе познания, истина, как и объект, факт, теория, тоже становится конструктивной, контекстной, ситуативной. Впрочем, вопрос о статусе знания в контексте коммуникативной онтологии – предмет отдельного разговора.

Мы рассмотрели некоторые тенденции в современной эпистемологии и философии науки, которые, как нам кажется, будут определять их дальнейшее развитие. Эти тенденции существенно меняют традиционные представления о познании и способах его осмысления, но не отрицают главного – познаваемости мира и необходимости философской рефлексии над этим процессом, а значит, открывают возможность для продуктивного диалога между классической теорией познания и современными эпистемологическими концепциями.

Литература

1. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
2. Касавин И.Т. Контуры замысла // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 1. № 1.
3. Дзикаки А. Творчество в науке. М., 2001.
4. Кравец А.С. Постнеклассическое единство физики. Электронный ресурс: http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philscience/1_95/01_krav.htm
5. Чукин С.Г. Ю. Хабермас versus А. Макинтайр: к вопросу об основаниях современного философствования // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий: Сб. к 75-летию профессора М.Я. Корнеева. Сер.: Мыслители. Вып. 11. СПб., 2002.
6. Мамчур Е. А. Идея единства и простоты научного знания в современном естествознании. Электронный ресурс: http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philscience/11_01/07_mam.htm
7. Патнэм Х. Разум, истина и история. М., 2002.
8. Печенкин А.А. Антиметафизическая философия второй половины XX века: конструктивный эмпиризм Баса Ван Фраассена // Границы науки. М., 2000.
9. Фурс В. Трансформация трансцендентализма в современной критической теории. Электронный ресурс: [http:// antropology.ru/ru/text/furs/modern_08.html](http://antropology.ru/ru/text/furs/modern_08.html)

10. Коллинз Р. Социальная реальность объектов математики и естествознания. Электронный ресурс: http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philscience/10_01/01_col.htm
11. Столярова О.Е. Социальный конструктивизм: онтологический поворот // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2003. № 3.

И.В. Мелик-Гайказян

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЗДАНИЯ ОБОБЩЕННОЙ МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ¹

Томский государственный педагогический университет

Постнеклассический этап развития науки и философии позволил увидеть мир многомерный, не-обратимо саморазвивающийся. Нам стала привычна мысль о множественности языков описания действительности, об особенностях поведения открытых систем, о необратимости точечных воздействий на сложные сплетения процессов. Эти идеи принимаются уже как некая самоочевидность, но эта самоочевидность иллюзорна. В самом деле, жизнь наша сложна, в ней происходят невероятные события, они меняют темп и направления изменений. Восприятие окружающей сложности мира меняют способы его осознания, разрешают множество интерпретаций, сеют сомнения и организуют, а вернее, вызывают самоорганизацию бытия и сознания. Что нового в этих идеях? Почему эти «прозрения» приписываются синергетике, ошибочно отождествляемой с постнеклассикой? Новизна заключается в том, что в научное описание появилась возможность включать мир артефактов, который ускользал от классической науки. Постнеклассическая наука позволяет понять, что мир больше не является наглядным и определенным. То, что представлялось самоочевидным, таковым не является. Теперь мы можем знать то, что не в состоянии представить. Но, используя формализм постнеклассических теорий, мы можем строить модели действительности, понимая, что это только модели, а не сама действительность.

Что же скрывается за очевидностью феномена самоорганизации? От взоров, ищущих наглядность, скрывается действие механизмов самоорганизации.

Цель данной статьи состоит в определении границ коммуникативного пространства и выяснении механизмов процессов, формирующих поля коммуникаций. Основаниями для решения означенных задач является доказательство информационной природы механизмов, определяющих нелинейную динамику социокультурных систем [1]. Нам стали привычными словосочетания: «информационное

общество», «век информации», «информационный подход» etc. Их употребление часто, интуитивно ясно, подчас плодотворно. Остается понять природу того, что является собой информация. Нами выработано следующее определение: «Феномен информации есть многостадийный, необратимый процесс становления структуры в открытой неравновесной системе, начинающийся со случайного запоминаемого выбора, который эта система делает, переходя от хаоса к порядку, и завершающийся целенаправленным действием согласно алгоритму или программе, отвечающим семантике выбора» [2]. Таким образом, информация понимается как процесс, состоящий из определенных стадий. Идея об информации-процессе определяет методологию применения информационного подхода для исследования динамики коммуникативного пространства. Отметим, что для применения данного подхода недостаточно понимания информации как сведений, информационного процесса как передачи данных, а коммуникации как связи. Можем с уверенностью сказать, что для применения подхода подобное этимологическое истолкование понятий дает ничтожно мало.

Казалось бы, словосочетание «информационный процесс» настолько привычно, что уже является для нас вещью самоочевидной. Нетривиальный смысл этих слов возникает только тогда, когда очевидным становится суть процессуального подхода. В чем же конструктивность этого подхода? *Он позволяет на основе прямой аналогии многостадийных информационных и социокультурных процессов устанавливать границы интерпретаций различных теорий и концепций.* Поясним это положение. В настоящее время историю теории информации следует разделить на два периода: кибернетический и синергетический. На первом, «досинергетическом» этапе между понятиями «количество информации» и «информация» не усматривалось принципиальной разницы. Формула Клода Шеннона позволяет определять количество информации, передаваемой по ка-

¹ Исследования проводились при поддержке гранта РФФИ № 04-06-80192.